

«Я ПОШЁЛ СЛУЖИТЬ ДУХУ...» К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ
ЕПИСКОПА СУХУМСКОГО АНДРЕЯ (КНЯЗЯ УХТОМСКОГО)

АЛЕКСЕЕВ И. Е.

«THE SPIRIT SENDS ME FORTH
TO SERVE» WORLDVIEW
OF SUKHUMI BISHOP ANDREY
(PRINCE UKHTOMSKY)

ALEKSEEV E. E.

В статье рассматривается жизненный путь и мировоззрение одного из самых авторитетных представителей Русской православной церкви конца XIX – начала XX вв. епископа Сухумского Андрея (в миру князя А.А. Ухтомского).

The article considers the career and worldview of one of the most recognized Russian Orthodox Church representatives of the end of XIX – beginning of XX century Bishop of Sukhumi Andrey (in the world Prince Ukhtomsky).

Ключевые слова: епископ Сухумский Андрей, князь Ухтомский, мировоззрение.

Keywords: Bishop of Sukhumi Andrey, Prince Ukhtomsky, worldview.

УДК 321

В плену идеологических стереотипов. Епископ Андрей (в миру — князь А.А. Ухтомский) принадлежит к числу тех российских церковных, общественных и государственных деятелей, которых нельзя считать обделёнными вниманием отечественных исследователей. Ещё в советское время за бурное контрреволюционное прошлое его периодически поминали недобрый словом идеологически подкованные «пролетарские историки». Но особый интерес к личности епископа Андрея пробудился у российских исследователей в начале 1990-х гг., когда за свои «прогрессивные» высказывания, он, вкуче со многими «творцами февральской революции», был зачислен в обойму либеральных деятелей «новой России» образца 1917 г., открыто выступивших затем против большевистского режима в рядах белого движения.

Вышедшее в 1991 г. в Москве документальное исследование М.Л. Зеленогорского (Гринберга) «Жизнь и деятельность архиепископа Андрея (князя Ухтомского)», несмотря на явные хронологические «разрывы» и неоднозначность целого ряда оценок, во многом предопределило тон последующих публикаций о нём, как о «епископе-демократе» [1], который, по известному выражению архиепископа Евлогия (в миру В.С. Георгиевского), «прогремел на всю Россию» своим либерализмом. Во многом благодаря этой работе в российской историографии уже сформировался устойчивый «демократический» образ епископа Андрея, который, однако, откровенно диссонирует с теми общественно-политическими взглядами, сторонником и активным проводником коих он являлся на протяжении многих лет (и особенно в ка-

занский период своего пастырского служения). Иными словами, речь идёт о деятельном участии тогда ещё архимандрита (а затем епископа) Андрея в право-монархическом (черносотенном) движении, о чём ни словом не оговариваются ни М.Л. Зеленогорский, ни другие современные исследователи.

Действительно, епископа Андрея, не скупившегося на эмоционально-резкие и порой субъективные оценки деятельности современных ему церковных и государственных институтов, при желании можно назвать и «демократом», и «либералом» (и даже «христианским социалистом»), но отнюдь не в привычно-заезженном ныне западном понимании этих слов. Его либерализм был особого — славянофильского — свойства, и покоился он не на лозунгах французской революции, а на трёх «китах» традиционного русского миропорядка — «Православии, Самодержавии и Народности». Причём, епископ Андрей всегда отстаивал безусловный примат первого из компонентов этой знаменитой триединой «формулы». Искренне полагая, что подлинное содержание основополагающих начал русского миропорядка было предано в императорской («синодальной») России забвению, а традиционные государственные, и через них — церковные и общественные, институты оказались подвержены повсеместному вырождению, он ратовал за их возрождение в том виде, который гарантировал бы всестороннее духовно-религиозное развитие личности, восстановление соборного управления Русской Православной Церковью (РПЦ) и церковно-приходской организации, ликвидацию бюрократического средостения между царём и народом, обеспечение основных гражданских свобод, сохранение целостности государства и единства православного русского народа.

«Императорский петербургский международный абсолютизм, выродившийся из царско-народного русского самодержавия, — писал, в частности, архимандрит Андрей в апреле

1906 г. в газете «Казанский Телеграф», — сам по себе решительно не имел нравственной почвы и в России исторически не может быть оправдан. Мало того: этот абсолютизм уже и в жизни показал свою этическую непригодность, сначала убив народные церковно-общественные силы и после того всю Россию разбив на политически враждебные друг другу партии. Но от него много и ожидать было нельзя, и обо всём этом блестяще и самоотверженно в своё время предсказывали русские славянофилы, никаким идолам не поклонявшиеся и желавшие устроить Русь на началах исключительно нравственного характера».

При этом архимандрит Андрей считал тогда, что «космополитически-международной императорской власти нужно противопоставлять не республику, а именно — русское самодержавие», утверждая, что «абсолютизм и республика с нравственной стороны — родные братья». Одновременно с абсолютизмом он отрицал и конституционный строй, заключая, что: «Конституция (всякая) есть недоверие народа к власти. Абсолютизм есть недоверие власти к народу». Самодержавие же, с разделявшейся им славянофильской точки зрения, есть «исповедь взаимного доверия между властью и народом», а самодержавный царь — «воплощение правды в личной жизни и проводник правды в жизни народной», «носитель доверия и любви народной», «народное объединяющее звено». «При такой власти, — заключал епископ Андрей, — народ оказывается семьёю».

Всё это предопределило его первоначальные симпатии к черносотенному движению, начертавшему на своих знамёнах лозунг «Православие, Самодержавие, Народность». Причём, в отличие от многих, он понимал под программой его воплощениям в жизнь вовсе не консервацию существующих порядков, а, напротив, их коренное реформирование на традиционных русских началах. Однако расхождение

идеальных представлений и завышенных требований к черносотенному движению с приземлённым и подверженным политическим страстям «оригиналом», а также последующие «смутные» события в стране, закончившиеся крушением монархии, в котором епископ Андрей был склонен винить, прежде всего, представителей «императорской власти» (допустивших, по его убеждению, дискредитацию и вырождение самой идеи самодержавия), вызвали глубокое разочарование владыки в способности монархических сил спасти страну от грядущей катастрофы. Поиск иных путей выхода из казавшегося практически безнадёжным положения (вплоть до завершившихся провалом попыток епископа Андрея договориться на языке «христианского социализма» с большевиками) и стал, судя по всему, основной причиной всего его дальнейшего «демократического» поведения.

Не менее запутанным и до сих пор не разрешённым для отечественной историографии являются и вопросы об отношении епископа Андрея к старообрядцам, а также о его запрещении Местоблюстителем Патриаршего Престола Петром (в миру П.Ф. Полянским) в священнослужении. В ряде работ бытует мнение, что в послереволюционные годы он не только сблизился со старообрядцами, но и сам перешёл в «раскол». Вместе с тем известно также, что на проходившем 19 октября — 1 ноября 1981 г. Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви за границей Андрей был возведен в лик святых новомучеников и исповедников российских. К тому же в настоящее время он одновременно признан «Русской Православной Церковью истинных православных христиан» основателем «самой многочисленной ветви ИПЦ» (так называемых «андреевцев»), от которого в настоящее время «сохраняется апостольское преемство катакомбной иерархии».

Судя по «тяжести» формальных аргументов, приводимых в пользу каждо-

го из утверждений о «конфессиональной самоидентификации» епископа Андрея (считавшего себя, кстати сказать, до самой своей мученической смерти уфимским архиереем, каковым он был назначен ещё в 1913 г.), окончательно прояснить ситуацию в этом вопросе вряд ли уже кому-либо удастся. Единственное, по моему мнению, можно утверждать с уверенностью — до конца своих дней он оставался истинным христианским пастырем, не испытывавшим никаких сомнений в своей принадлежности к русскому православию.

В постсоветские годы статьи об архиепископе Андрее были помещены во многих словарях и энциклопедиях: в частности, в изданиях «Политические деятели России 1917: Биографический словарь» (1993 г.), «Башкортостан: Краткая энциклопедия» (1996 г.) и в первом томе «Татарской энциклопедии» (2002 г.). Однако в них не имеется никаких упоминаний о его общественно-политической деятельности до февраля 1917 г., что, учитывая открытый и достаточно широко освещённый в тогдашней прессе характер последней, является весьма странным. Дабы хоть как-то восполнить этот пробел, позволю себе в контексте краткой дореволюционной биографии епископа Андрея акцентировать внимание на ряде малоизвестных фактов из казанского периода его жизнедеятельности.

«Я ПОШЁЛ СЛУЖИТЬ ДУХУ...».

Будущий епископ Андрей — в миру Александр Алексеевич Ухтомский — родился 26 декабря 1872 г. в родовом имении — селе Вослома Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии в семье председателя уездной земской управы Алексея Николаевича Ухтомского (ранее состоявшего на военно-морской службе и непродолжительное время работавшего в Канцелярии ярославского губернатора). Древний княжеский род Ухтомских, восходящий к князю Рюрику, дал за многие века России немало известных личностей: стольников, воена-

чальников, учёных, деятелей культуры и искусства. Младший брат Александра Алексеевича — Алексей Алексеевич Ухтомский (1875—1942) также стал в дальнейшем крупным учёным-физиологом — профессором Петроградского университета, а затем (с 1935 г.) и академиком Академии наук СССР, прославившись также в качестве авторитетного деятеля единоверия.

Епископ Андрей. 1930-е гг.

Мать Андрея и Алексея — Антонина Фёдоровна, по воспоминаниям будущего епископа, «была идеально добрая женщина», хотя и не желала, чтобы её старший сын стал священником. Однако после того, как он сделал свой жизненный выбор в пользу служения Богу, всячески способствовала его деятельности на этом поприще. «Известно, — писал М.Л. Зеленогорский, — что Антонина Фёдоровна принимала участие в миссионерской работе сына-монаха, жертвовала на создаваемые им монастыри в Казанской губернии, а накануне своей кончины значительную часть состояния завещала Церкви».

Отучившись пять классов в Рыбинской классической гимназии, в 1887 г. Александр Алексеевич по желанию отца поступил в Нижегородский имени графа А.А. Аракчеева кадетский корпус [2]. Однако карьера военного его совсем не

прельщала: ещё в детском возрасте в жизни Александра произошёл целый ряд событий, предопределивших его будущее. Одним из таковых стала встреча обоих братьев с протоиереем Кронштадтского Андреевского собора о. Иоанном (И.И. Сергиевым), произошедшая, как отмечает М.Л. Зеленогорский, «на волжском пароходе, когда мать везла сыновей на каникулы домой»: «Отец Иоанн, — писал он, — долго беседовал с Александром и Алексеем, после чего они оба приняли одинаковое решение». Кроме того, в юном Александре, по его же позднему признанию, велико было желание бежать из мира, который он находил во многом несправедливым, полным греха, скорби и страстей, но бежать не в объятия лицемерной революционной «свободы», а в мир высшей христианской любви, добродетели и справедливости. При этом более всего в людях всю свою жизнь он не терпел обмана и лжи, как по отношению к другим, так и по отношению к самим себе. «Если первую заповедь по отношению к себе и к церковной жизни христианина, — говорил он, — должно им быть поставлено правило: не лицемерь пред собою, то вторая заповедь православного христианина должна быть такова: не лицемерь пред другими».

В 1891 г., по окончании кадетского корпуса, Александр Алексеевич успешно сдал экзамены в Московскую Духовную Академию (МДА) и был принят в состав его юбилейного пятидесятого курса. В 1895 г. Александр закончил МДА, удостоившись степени кандидата богословия за сочинение на тему «О гневе Божиим». Вскоре его примеру последовал и младший брат Алексей, закончивший Академию в 1898 г., защитивший кандидатскую диссертацию по богословию на тему «Космологическое доказательство Бытия Божия» и поступивший затем в Императорский Санкт-Петербургский университет. Согласно собственному заявлению, в котором им было выражено желание служить по учебно-духовному ведомству, в ноябре того же 1895 г. Александр Алексеевич был «определён учителем по русскому

языку в 1-й класс Казанского духовного училища».

А уже 2 декабря он был пострижен архиепископом Казанским и Свияжским Владимиром (в миру И.С. Петровым) в монашество с наречением имени Андрей, 5 декабря рукоположен в Казанском Кафедральном Благовещенском соборе в иеродиакона и 6 декабря — в иеромонаха — с зачислением, согласно резолюции казанского преосвященного, в число братии Казанского архиерейского дома (функционировавшего на правах монастыря). «В 22 года я был иеромонахом, — вспоминал впоследствии Андрей. — Я пошёл служить духу, освобождению человеческого духа от всяких препятствий к его свободе и свободе развития человеческого духа» [3].

Столь раннее обращение в монашество, помимо прочего, объяснялось ещё и высокими духовно-нравственными требованиями, которые Александр Алексеевич предъявлял к представительницам женского пола. «Мне была возможность, — вспоминал он, — быть священником в известном Крестовоздвиженском братстве Черниговской губ.[ернии], которое было основано Н.Н. Неплюевым.

Последний приглашал меня к себе. Но для священства нужно было жениться, а я был напуган женщинами. Вернее, я был напуган идеалом девушки и женщины, который я себе составил.

А идеалом моим была Святая Нина — просветительница Грузии. Прочитав её жизнеописание, я преклонился перед величием её духа и её жизненного подвига. По ней я расценивал всех остальных, и все получали оценку не весьма высокую».

Несмотря на то, что ранее ему не приходилось вплотную сталкиваться с инородческой спецификой, достаточно пёстрая по этническому и религиозному составу населения Казань не стала для иеромонаха Андрея чужим городом. Именно здесь — в Казани и одноимённой губернии, судя по всему, и началось его становление как убеждённого право-

славного миссионера, которое успешно продолжилось в Терской области, а затем — после второго казанского периода жизни епископа Андрея — в Сухумской и Уфимской епархиях. В связи с этим уместно упомянуть и о том, что с Казанью у князей Ухтомских существовали весьма древние связи: известно, что, по крайней мере, трое из них участвовали в различных походах против Казанского ханства. Так что Андрей, наверняка, хорошо понимал, с кем ему предстояло иметь дело во время осуществления своей православной миссии.

5 сентября 1897 г. он был перемещён на должность инспектора Александровской миссионерской духовной семинарии, действовавшей в кавказском селе Ардон (ныне город, районный центр, расположенный в 39 км от Владикавказа). Там же о. Андрей состоял членом Ардонского отделения Владикавказского епархиального училищного совета, заведовавшего школами Северной Осетии. «Первое серьёзное дело, на которое я был командирован жизнью, — вспоминал он, — это просвещение осетин в качестве инспектора осетинской Ардонской (на Кавказе) миссионерской семинарии. С большим страхом ехал я туда! Не имея специальных знаний, не имея никакого опыта жизни, я вдруг сделался руководителем других...

Приехав в Ардон, я застал превосходное поле для деятельности: я видел юношей, не испорченных глупым семинарским богословием, и затем прекрасную низшую народную школу, которая подготовляла ребят к семинарии. В существе дела наша миссионерская семинария была просто учительской семинарией с повышенной программой по богословию и философии...

Мы, Ардонцы, заставляли осетинских детей любить их родину, язык, свою деревню — одним словом, искренно их воспитывали патриотами... Так происходило обрусение инородцев, когда сами инородцы с удовольствием русели, с любовью к своей родине и к своей семье и с уважением к русским...». За своё усердное служение епископ Андрей был

награждён Святейшим Правительствующим Синодом наперсным крестом, а также возведён в звание соборного иеромонаха Московского Донского ставропигиального монастыря.

Недолго пробыв на Кавказе, 23 июля 1899 г. он был назначен на должность наблюдателя Миссионерских курсов при Казанской Духовной Академии (КДА), председателем Педагогического Совета которых с 1897 г. являлся ректор КДА — первый викарий Казанской епархии епископ Чебоксарский (затем Чистопольский) Антоний (в миру А.П. Храповицкий). А 6 августа того же года (в день Преображения Господня) Андрей был рукоположен архиепископом Казанским и Свияжским Арсением (в миру А.Д. Брянцевым) в сан архимандрита в Казанском Спасо-Преображенском монастыре. В своей приветственной речи, сказанной при вручении ему жезла, казанский архиерей особо отметил: «С получением сана архимандрита и должности наблюдателя ты поставляешься в близкое отношение и к сей обители и к миссионерским курсам. То и другое налагает на тебя особые обязанности.

Хотя и эта обитель и здешние миссионерские курсы имеют своего высшего начальника, облечённого саном и властью архиерейства, но он проживает большую часть времени вне сей обители и не стоит в непосредственном отношении к курсистам, а ты будешь здесь жить и стоять в самом близком отношении к той и другим и будешь занимать начальственное положение. Внимай ему!»

И архимандрит Андрей внял со всем свойственным ему миссионерско-пастырским рвением. В своей миссионерской деятельности, в которой Андрей немало преуспел, он являлся убеждённым сторонником системы инородческого просвещения «апостола кряшен» Н.И. Ильминского (1822—1891), суть которой — «в одной части и главнейшей» — сформулировал в 1908 г. в газете «Московские ведомости» лаконичной формулой: «Безукоризненный пастырь

и безукоризненное богослужение в инородческом приходе на соответствующем инородческом языке».

В качестве наместника Казанского Спасо-Преображенского миссионерского монастыря и наблюдателя Миссионерских курсов при КДА он развил такую бурную деятельность, что приобрёл широкую известность не только в Казанской епархии, но и далеко за её пределами. В немалой степени известности архимандрита Андрея способствовал его редкий ораторско-проповеднический и публицистический талант, для реализации которого у него имелись все необходимые возможности. Достаточно заметить хотя бы, что одним из популяризаторов его религиозно-подвижнической деятельности, по свидетельству М.Л. Зеленогорского, являлся редактор «Санкт-Петербургских Ведомостей» — известный этнограф, поэт и публицист князь Э.Э. Ухтомский (1861—1921), сопровождавший цесаревича Николая Александровича во время его известного путешествия по Востоку и издавший подробное описание такового.

Своими учителями и духовными наставниками среди современников Андрей считал о. Иоанна Кронштадтского (И.И. Сергиева), с которым он часто советовался по многим вопросам, с особым благоговением внимая его рекомендациям и наставлениям, настоятеля Воскресенского миссионерского монастыря (Макарьевской пустыни) Новгородской епархии архимандрита Кирилла (в схиме Макария), (в миру К.В. Васильева), а также епископа Антония (в миру А.П. Храповицкого), бывшего во время его студенчества ректором МДА и ставшего непосредственным наставником архимандрита Андрея после назначения последнего наблюдателем Миссионерских курсов при КДА и определения его в Казанский Спасо-Преображенский монастырь.

Судя по всему, именно будущий архиепископ Волынский и Житомирский Антоний (в миру А.П. Храповицкий), ставший, как известно, впоследствии известным деятелем право-монархического движения [4], оказал наибо-

лее сильное влияние на формирование отношения епископа Андрея к вопросам возрождения церковной жизни. «Ректор Академии архимандрит Антоний Храповицкий, — вспоминал впоследствии епископ Андрей, — всегда твёрдо воспитывал нас в том взгляде на церковную жизнь, что Церковь должна быть свободной, что она должна управляться Соборами, что без Соборов церковной жизни нет.

Восстановление Соборного управления Церковью архим.[андрит] Антоний ждал от восстановления русского патриаршества. Можно сказать, что Московская [Духовная] Академия в период 1891—1895 гг. и Казанская [Духовная Академия] в 1895 году до 1900 года были воспитаны на идее патриаршества и Соборности».

В последующие годы Андрей одновременно состоял также членом (с августа 1900 г.), а затем председателем Совета «Братства Святителя Гурия» (БСГ), председателем Педагогического Совета женских богословских курсов, членом Совета «Братства во имя Пресвятыя Богородицы» при Казанском Кафедральном Благовещенском соборе, членом Казанского епархиального училищного Совета и благочинным 2-го округа монастырей Казанской епархии. Кроме того, он являлся действительным членом Попечительства при Введенской церкви Казанского женского училища духовного ведомства, находящегося под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Марии Феодоровны, действительным членом «Общества защиты несчастных женщин в Казани» и других организаций и учреждений.

«ДУША, НЕ ДУМАЮЩАЯ О СПАСЕНИИ, И ДУША ГОРДАЯ, — ЭТО ЯВЛЕНИЕ НЕ РУССКОЕ...». Будучи по летам ещё достаточно молодым человеком, архимандрит Андрей со свойственной его возрасту энергией принимал активное участие не только в церковных, но и в общественных делах, которые он считал не отделимыми друг от друга и всецело подчинёнными одной цели — возрождению Святой Руси и подлинно-

му торжеству в ней православия. При этом, как человек, ведущий поразивший воображение современников аскетический образ жизни и радеющий за духовно-нравственное возрождение русского народа, архимандрит Андрей являлся активным сторонником воздержания от алкоголя и непримиримым борцом с пьянством, на почве чего вскоре сблизился с казанскими трезвенниками. 28 января 1901 г. он был избран членом Комитета «Казанского Общества Трезвости» (КОТ) [5], на базе которого в дальнейшем возникла первая в Казани и в одноимённой губернии черносотенная организация — Казанский отдел «Русского Собрания» (КО РС).

В скором времени архимандрит был избран председателем Строительного Комитета по возведению храма Во Имя Нерукотворённого Образа Спаса нашего Господа Иисуса Христа при учреждениях КОТ в Подлужной слободе Казани [6]. Судя по всему, именно он ещё в 1901 г. обратил внимание казанских патриотов-трезвенников на необходимость должного почтения и увековечения памяти местоблюстителя Патриаршего Престола (в 1612—1613 гг.), второго митрополита Казанского и Свияжского Ефрема (помазавшего на царство первого царя из Дома Романовых — Михаила Фёдоровича), «пещёрка» с мощами которого находилась в Казанском Спасо-Преображенском монастыре.

То, насколько тесно было участие архимандрита Андрея в деятельности местного трезвеннического и патриотического движения, можно, в частности, судить по числу и содержанию его речей и статей, публиковавшихся в начале 1900-х гг. на страницах печатного органа КОТ журнала «Деятель». Так, например, только в 1903—1904 гг. в последнем были размещены следующие статьи, проповеди и выступления архимандрита Андрея: «Как всякий христианин может потрудиться в устройении на земле Царства Божия (публичное чтение)», «Прощальная речь Владыке Архиепископу Арсению (в Спасо-Преображенском миссионерском мона-

стыре)», «Из православно-церковного учения забытые мысли (публичное чтение)», «Слово в день празднования Чудотворной иконы Божией Матери, именуемой Казанской. 8 июля 1903 г.», «Царь и народ, Русь православная, в Сарове», «Слово на день восшествия на престол Государя Императора Николая Александровича, 1903 года 21 октября», «Поучение в неделю православия о церковной истине и об обязанностях к ней», «Беседа отца Иоанна Кронштадтского с пастырями», «О «сверх-человеках» и другие.

В опубликованных в то время статьях архимандрита Андрея нашли яркое отражение его славянофильские взгляды, связанные с оптимистическими ожиданиями обновления церковной и общественно-государственной жизни России на путях грядущего обращения царя и народа к традиционным православно-русским ценностям. Так, в июле 1903 г. архимандрит Андрей принял участие в торжествах открытия мощей преподобного Серафима в Сарове, где ему был пожалован «наперсный с украшениями крест из кабинета Его Императорского Величества». В своих заметках об этом событии, помещённых в № 10 журнала «Деятель» за 1903 г. [7], он, в частности, писал: «Власть — это Божие послушание для всякого начальствующего; власть — это облегчение жизни для подначальных; власть Царская — тяжкое бремя для Царя, но облегчение жизненного бремени для всего русского народа. Царь несёт это бремя, а его народ свободен от этого бремени, спокоен за себя, спокойно, снявши с себя всякое искушение власти, «спасается» — заботится только о душе своей. Поэтому «Царь» в глазах народа — это воплощение всего лучшего, это символ смирения, смиренного служения Богу и служения людям, символ любви; любовь к Царю своему и помазаннику Божию — это чувство совершенно неотъемлемое, неизгладимое из русского сердца. Жизнь без постоянного представления о Царе — прямо не мыслима для русского человека; он не может себе

представить ничего выше душевного спасения, а жить без постоянной памяти о своём Царе значит заботиться не о спасении, а о себе и о всей своей жизни; он тогда совершенно растеряется, «да как же, скажет, я теперь жить буду, где моя опора?».

Вот это в Сарове чувствовалось до полной осязательности во время всех торжеств. Вся любовь к Царю, всё беззаветное преклонение пред бременем и служением Царским, одним словом, вся русская душа в Сарове — высказалась в полной мере. Русь Православная — это нераздельно: Царь и народ; и душа народная, душа народа русского не мыслима без смирения и без любви к Богу и Царю. — Совершенно не мыслима! — Душа, не думающая о спасении, и душа гордая, — это явление не русское...».

Следует отметить при этом, что, несмотря на своё откровенно критическое отношение к абсолютистскому характеру постпетровского самодержавия и его чуждому традиционному русскому миропорядку порождению — «синодальному» церковному строю, Андрей, судя по его высказываниям, первоначально с огромным почтением и глубоким упованием относился к личности царствующего монарха, возлагая на него особые надежды по возрождению утраченной два века назад «симфонии» духовной и светской властей. Однако по прошествии нескольких десятилетий, отмеченных горьким крушением этих идеалистических ожиданий, усугублённых воспринятыми епископом Андреем за «чистую монету» назойливыми слухами о «распутинщине», его прежнее очарование Николаем II сменилось столь же глубоким разочарованием в способностях императора стать истинным «самодержцем» и отвернуть Россию от духовной и социальной пропасти.

Но произошло это лишь по прошествии целого ряда лет. А тогда — в период первой революционной «смуты» архимандрит Андрей открыто поддержал усилия председателя Комитета КОТ и Совета КО РС А.Т. Соловьёва по созданию в городе Казани и Казанской губер-

нии право-монархических организаций, появление которых он воспринял с большой радостью и оптимизмом. Уже на первом общем собрании КО РС, проходившем 6 декабря 1905 г., было оглашено письмо архимандрита Андрея, в котором он выразил открытое сочувствие его деятельности.

При всех недостатках, которые архимандрит Андрей находил в право-монархическом движении и на которые откровенно указывал его участникам и руководителям, он долгое время считал его единственной силой, способной нравственно противостоять активно распространявшемуся тогда в России социалистическому учению. Как утверждал архимандрит Андрей в мае 1906 г. на страницах «Казанского Телеграфа», «в России жизненны две только — крайние партии, во всём между собою несогласные, но сильные своим внутренним одушевлением». Первая из них — «крайняя правая — с великолепным нравственным знаменем, но без дел». «Это люди — преданные своим принципам, — уточнял он, — но дела делать ещё не научившиеся...» А вторая «партия», по мнению архимандрита Андрея, — «это социалисты всех оттенков, сильные духом, хотя о духе ничего не говорящие и личиною добра всех к себе завлекающие». Причём, из других его высказываний становилось очевидно, что в последнем случае архимандрит Андрей имел в виду ни что иное, как дух всеобщей ненависти и разрушения.

В 1906 г. он открыто выступил на страницах местной прессы с критикой современного ему социалистического учения, подчёркивая нравственное лицемерие и антихристианский характер такового. Так, например, в своих статьях «Они требуют отречения от христианства» и «Нужно исцелить нашу больную совесть!», помещённых в газете «Казанский Телеграф», архимандрит Андрей, в частности, утверждал, что «христианство, как религия любви, и социализм, как учение о массовом насилии и ненависти одних над другими, — совершенно несовместимы», а «русский социализм,

выросший на наших глазах, есть совершенно явно обнаружившийся враг христианства, всеми средствами ведущий против Евангелия ожесточённую борьбу». Проанализировав широко распространяющуюся в Казани книгу «Новая нагорная проповедь», содержание которой он расценил как «холодное, сознательное глумление над нагорною проповедью Иисуса Христа», архимандрит Андрей пришёл к следующему выводу: «Итак, «ненавидьте врагов ваших», — вот та новая «истина», которую открывают социалисты... Прекрасное равенство и братство у этих лицемеров! Кто же наши «враги»? — Да все, решительно все без исключения, ближних для них нет.

И какое же «общество» можно основать и какое общество может жить, основываясь на началах всеобщей, взаимной ненависти?

Не ясно ли, что люди, поставившие девизом своей деятельности известные слова: пролетарии всех стран, соединяйтесь, «т.[о] е.[сть] так называемые социал-демократы», — требуют отречения от христианства?

Да, они всегда молчат о Христе и молчаливо, но настойчиво требуют от своих последователей отречения от христианства и вообще от всякой религии.

Их проповедь есть проповедь о ненависти, о каком-то людоедстве, недостойном человека».

В том, что это именно так, архимандрит Андрей смог воочию убедиться в 1905 г. в революционной Казани. В подтверждение данных слов достаточно привести один эпизод, воспроизведённый со слов секретаря владыки — В.И. Беневоляского, о котором упоминалось в статье, опубликованной в 1981 г. в издаваемом Свято-Троицким монастырём в Джорданвилле (США) церковно-общественном журнале «Православная Русь». «В 8—9 верстах от Казани, — повествовалось в нём, — находился пороховой завод. В страшный 1905 год, в год первой русской революции, рабочие взбунтовались на этом заводе. Одного из 8 директоров злодейски

убили — под влиянием красной пропаганды. Рабочие взорвали одну бочку пороха. На окраине Казани окна в домах, обращённые к пороховому заводу, полопались. Такая была страшная сила взрыва! Владыка Андрей сел верхом на своего коня и бесстрашно, рискуя жизнью, помчался на завод. Там его встретила разъярённая, разнузданная толпа. Бунтовщики стали осыпать Владыку ругательствами, насмешками. Он встал на каком-то возвышении и кротко ждал, пока утихнет безумная толпа. В него бросали комки грязи, огурцы, гнилые яблоки. Владыка спокойно стоял и смотрел на толпу и только молился. Толпа стала понемногу затихать. Чудом Божиим водворилась тишина. Владыка заговорил и стал увещевать бунтовщиков. И люди слушали его и с изумлением глядели на него, бесстрашного, спокойного. Говорил так, что они его заслушались, этого «долгополого монаха», как только что его называли. Краткими, но сильными словами Владыка привёл дикую толпу к раскаянию. Люди поняли, какой они совершили великий грех, убив неповинного своего директора. Рабочие освободили директоров и принялись за работу. С почтением провожали они Владыку, когда он возвращался в свой Спасский монастырь. От прежнего буйства и следа не осталось! Вот как, с Божьей помощью, владел владыка Андрей душами человеческими!» [8].

Допуская, что пересказанный эпизод вполне может содержать некоторые исторические неточности, тем не менее, нельзя не признать, что сей поступок архимандрита Андрея вполне соответствовал его решительной натуре и исповедуемым взглядам.

В противовес лозунгу «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» архимандрит Андрей выдвинул свой лозунг — «Пролетарии русские, соединяйтесь!» (кото-

рый в более широком значении сам же переформулировал, как «Православные русские люди, соединяйтесь!» и «Православные, объединяйтесь!»), противопоставив лицемерному антихристианскому «партийному» социализму «христианский социализм (церковно-приходскую общину)» (иными, его же, словами — «истинный, русский нравственный социализм» или «настоящий русский церковный социализм»). Одновременно он подчёркивал, что только «и соединяться нужно тоже по-русски, по-православному», уточняя: «Объединяться нужно так, чтобы правда Божия оставалась превыше всего.

И такое объединение русскому народу даёт русский православный приход».

При этом архимандрит Андрей напоминал, что именно «к такому всеобщему объединению с 1903 года зовёт всех один из лучших по своему сердцу русских людей, добрейший и великодушный наш Царь». «В 1903 году, — уточнял он, — никто не слышал о «пролетариях всех стран», а Государь Наш, Николай Александрович, уже звал всех к объединению, ко взаимопомощи, призывая всех к соединению вокруг православных храмов. Но тогда русские люди этот великий призыв прослушали, а теперь, когда у нас появились «пролетарии всех стран», т. е. просто — проходимцы всероссийские, теперь русские люди слушают чужой призыв и думают, что это новое слово...

Несчастное заблуждение!

Истинно-христианский призыв к объединению православных людей русских давно раздался, только доброго слова царского в своё время мы не слушали и дожили до великого нынешнего лихолетья».

(Продолжение следует).

Примечания

1. Согласно определению Н.Н. Брешко-Брешковского.

2. «В XIX веке, — писал М.Л. Зеленогорский, — в роду вновь возобладали военные традиции: дядя будущего епископа Леонид — адъютант Нахимова, впоследствии сам адмирал, оставивший интересные мемуары; две тётки были замужем за морскими офицерами — участниками Севастопольской обороны; другой дядя — адмирал — участник обороны Порт-Артура. Отец десять лет служил на флоте и пожелал, чтобы оба его сына — Александр и Алексей — учились в кадетском корпусе, который закончил он сам и его братья».

3. Здесь и в ряде других случаев цитируются фрагменты из помещённого в книге М.Л. Зеленогорского «Краткого жизнеописания епископа Уфимского Андрея...», которое приводится в последней с разъяснением, что: «Это воспоминание записано мною, игуменом Илиёй, в Уфе от благочестивой христианки Шаминой Елены Ивановны, проживающей в городе Уфе».

4. Известно, в частности, что он являлся одним из немногих почётных членов «Русского Собрания», а также почётным членом его Казанского отдела и «Казанского Общества Трезвости». «Преосвященным Антонием, бывшим ректором дух.[овной] академии, — говорилось, в частности, в отчёте о деятельности последнего с 1 сентября 1899 г. по 1 января 1901 г., — совершались молебствия при всех начинаниях Общества, и руководимые им студенты принимали деятельное участие в просветительной деятельности Общества».

5. Впоследствии он стал почётным членом КОТ.

6. Строительством и обустройством собственного храма общество занималось без малого шесть лет. Решение приступить к его возведению было принято на очередном заседании Комитета КОТ 4 мая 1901 г. Мысль об устройстве храма принадлежала будущему епископу Чистопольскому Анастасию (в миру А.И. Александрову), через которого поступило и первое пожертвование на него. Первоначальный план и смету строительства храма безвозмездно составил архитектор И.И. Колмаков, который был избран за это членом-соревнователем КОТ. Вначале казанские трезвенники планировали возвести большой храм, но со временем выяснилось, что таковой «не мог быть выстроен, так как средства общества были очень малы», по причине чего пришлось значительно подкорректировать масштабы строительства. Храм во Имя Всемилового Спаса, ставший духовным центром казанских трезвенников, эрэсовцев и представителей близких к ним просветительно-благотворительных и общественно-политических организаций, открылся 27 апреля 1907 г. на улице Подлужной в городе Казани. Освятил Храм во Имя Всемилового Спаса епископ Чистопольский Алексей (в миру А.Я. Дородницын). Первым старостой его был избран профессор А.И. Александров (впоследствии старостой храма продолжительное время являлся известный профессор Н.Ф. Катанов), а священником стал о. А.М. Троицкий.

7. Позднее — в № 8 журнала «Деятель» за 1904 г. — было также опубликовано его слово «На память о Сарове», произнесённое в храме Живоносного источника в Саратовской пустыни 17 июля 1903 г. — И.А.

8. Цит. по: Новомученик Епископ Андрей Уфимский. <http://rpnsd.ru/rusorth/archiv/1-uhomsky.html>.

Сведения об авторе: Алексеев Игорь Евгеньевич, канд. ист. наук, главный советник отдела этнической политики Управления по вопросам внутренней политики Президента Республики Татарстан (Казань). E-mail: alekse-igor@yandex.ru.